

Андрей Курков

Нападение

Часть сборника
Форель à la нежность (сборник)

Андрей Курков

Нападение

«Фолио»

Курков А. Ю.

Нападение / А. Ю. Курков — «Фолио»,

«Нас развозили на большой крытой машине. Подъезжала она к какому-то заброшенному месту: будь то бурелом или земляные трещины, лейтенант пускал в предвечернее небо зеленую ракету, и через минут десять-пятнадцать у машины появлялось незнакомое землистое лицо, молча кивало и уводило за собой одного из нас, одного из новобранцев. Вскоре я остался один. Машина не спеша ехала по грунтовке. По бокам дороги то ли болото было, то ли низинка, перепаханная временем: пеньки, маленькие холмики, высохшие стволы и множество валунов...»

© Курков А. Ю.

© Фолио

Андрей Курков

Нападение

1

Нас развозили на большой крытой машине. Подъезжала она к какому-то заброшенному месту: будь то бурелом или земляные трещины, лейтенант пускал в предвечернее небо зеленую ракету, и через минут десять-пятнадцать у машины появлялось незнакомое землистое лицо, молча кивало и уводило за собой одного из нас, одного из новобранцев.

Вскоре я остался один. Машина не спеша ехала по грунтовке. По бокам дороги то ли болото было, то ли низинка, перепаханная временем: пеньки, маленькие холмики, высохшие стволы и множество валунов.

Остановились.

– Ну и везунчик ты! – усмехнулся молоденький лейтенант, выйдя из водительской кабины. – Попал кур во щи!

Я молчал, глядя на зимнее серое небо.

– На этой заставе несколько лет назад всех перебили, – продолжил лейтенант. – А новый состав еще полностью целый, но дикие они какие-то и переводиться в другие места не хотят. Граница – дело беспокойное!

Ну вот я и понял, что на границу попал. А то все не говорили, куда засылают. Мол, приедешь – увидишь! «Что ж, – подумал я, – граница так граница».

Небо прорезала очередная зеленая ракета. Только невысоко она взлетела, вяло сделала дугу и потухла даже не в воздухе – на земле, метрах в ста от нас.

Лейтенант, заметив мое удивление, пояснил, что в этих местах воздух плотнее.

Из темноты вынырнул и молча стал рядом с машиной человек в военной форме с седой шевелюрой, выбивавшейся из-под фуражки. Он внимательно оглядел нас.

– Вот, вам новенького прислали! – нервно выпалил лейтенант, переступая с ноги на ногу.

– Зачем? – спокойно спросил седой.

– Приказали доставить новобранца для пополнения личсостава.

– Мы не нуждаемся. – Седой затолкал волосы под фуражку.

– Но у меня приказ... мне его некуда больше везти... что ж, здесь оставлять?!

– Здесь нельзя.

В конце концов лейтенант уговорил седого забрать меня с собой. Я закинул вещмешок за плечо и шагнул в темноту следом за несговорчивым воякой.

Лейтенант виновато посмотрел на меня напоследок и негромко сказал: «Будь!»

Вскоре мы пришли. На небольшой поляне стоял аккуратный одноэтажный домик, крытый черепицей.

Седой вошел первым и включил свет.

Просторная комната. На журнальном столике расставлены шахматы, в углу в пирамиде – несколько автоматов.

На койках заворочались четверо. Защурились от яркого света.

– Пополнение! – подтолкнув меня вперед, объяснил седой.

Теперь я разглядел его капитанские погоны.

Лежащие смотрели на меня с любопытством.

– В шахматы играешь? – спросил один из них.

– Знаю, как фигуры ходят, – ответил я.

Снова наступила тишина.

– Отбивайся! – приказал капитан. – Утром познакомимся.
Он указал на широкую скамью в дальнем углу комнаты.

Спустя несколько дней обо мне все забыли. И не то чтобы меня не замечали, просто капитан приказал, чтоб я без дела не сидел, но предупредил, что если я сам себе дела не найду, за меня никто его искать не станет.

Я решил изучать шахматы: в маленькой библиотечке погранзаставы имелась добрая сотня книг и брошюр по шахматной теории. Один из пограничников, весьма одобряя мой выбор, принес мне в пользование новенькие фигуры. Теперь появился и распорядок дня: завтрак, шахматы, обед, шахматы, ужин, шахматы.

Через несколько дней капитан разбудил всех часа на два раньше обычного.
– Карнавал! – громогласно объявил он.

Все ожили, вмиг повскакивали с коек, принесли из служебного помещения несколько столов и поставили их буквой «П», а потом, словно скатертями, накрыли картами каких-то военных действий.

Капитан с сержантом втащили в комнату большой опечатанный ящик, топором вскрыли его и вытащили несметное число оловянных красноармейцев, танков и пушек.

Капитан посмотрел на ходики, висевшие на стене, и крикнул:
– Форма номер девять!

Воины побежали в каптерку. Я кинулся за ними.

В каптерке висели комплекты красноармейской формы начала двадцатых годов. Буденновки, галифе, сабли.

Карнавал начинался в полдень. Солдаты привычными движениями расставляли на картах оловянных красноармейцев, пушки и танки.

Я присел в уголке и следил за происходящим.

Вдруг на улице раздался щелчок кнута и ржание коней.

– По местам! – скомандовал капитан, взъерошив свою седую шевелюру и нахлобучив поверх нее форменную фуражку.

Все вскочили. Дверь распахнулась, и в комнату вошел белый офицер, за ним несколько мелких белогвардейских чинов. Капитан шагнул навстречу офицеру белой армии, они подали друг другу руки и уселись за столом один напротив другого.

Мелкие белогвардейские чины торопливо расставляли на картах свои игрушечные войска.

– Сегодня позиционная? – осведомился белый офицер.

Капитан подошел к отрывному календарю.

– Да, – прошептал он, – позиционная с последующей атакой красных.

– Отступить? – по-деловому спросил белый.

– Нет, атака отбита, – ответил седой. – Сержант Бутырлин, поставьте самовар!

– Слушаюсь! – Сержант вскочил из-за стола и побежал в каптерку.

На картах возникло движение. Белый офицер и капитан по очереди отдавали приказы, а подчиненные послушно меняли дислокацию пехоты, артиллерии, танков. Капитан два раза ошибался, но белый офицер гуманно разрешал «переходить», то есть изменить приказ. Потом последовала атака красных, но была отбита подоспевшим эскадром белоказаков. Красные отступили на свои позиции, и позиционная война продолжилась.

После отбитой атаки на картах военных действий появились стаканы с чаем.

Сержант Бутырлин аккуратно записывал каждый приказ седого капитана.

Приказы белого офицера записывал приземистый вихрастый фельдфебель из казаков.

Так продолжалось до позднего вечера. После совместного ужина игрушечные войска были уложены в ящики, а карты протерли тряпкой, свернули и спрятали. Белые попрощались, поблагодарив за прекрасно проведенный день.

Все снова встало на свои места. Я днями просиживал над шахматной доской, разбирая отложенные партии Карпова и Каспарова. Капитан и четверка во главе с сержантом Бутырлиным то неожиданно исчезали, то так же неожиданно появлялись. До меня им никакого дела не было, ко мне даже никто и не обращался. Я вроде и служил здесь, ведь имелись у меня своя миска и кружка, но никаких нарядов, никаких заданий.

Недели две спустя капитан за ужином сообщил, что следующий карнавал произойдет через день за границей. Это сообщение никого за столом не удивило, из чего я сделал вывод, что карнавалы такие проводятся регулярно то на нашей, то на другой стороне границы. Но что за государство находилось по ту сторону границы, я до сих пор не знал. Спросить об этом было как-то неловко. Боялся, что засмеют.

После ужина капитан впервые вызвал меня к себе. Оказалось, что у него в одной из каптерок оборудован кабинет.

– Думаю, что вы уже пообвыкли у нас, – сказал капитан. – Завтра мы уходим на день, и в связи с этим у вас появляется возможность совершить подвиг или выполнить первое боевое задание!

Я насторожился.

– Вы остаетесь охранять заставу и всю границу! Вопросы есть?

Вопросов у меня было множество, но задавать их я не решился.

Когда на следующий день капитан и четверо пограничников покинули заставу, я, закинув автомат на плечо, впервые обошел окрестности. Удивило меня более всего то, что я не нашел ни единой тропки или дорожки. Все вокруг поросло диким лесом.

Обойдя пару раз вокруг заставы, я вернулся в комнату и засел за шахматную доску. Попытка доиграть последнюю отложенную партию Карпова и Каспарова. Мысли работали плохо, то и дело ходил глупо, несобранно. Чтобы ходить за Каспарова, приходилось пересаживаться, так как, сидя на месте Карпова, я не мог объективно анализировать позиции.

Неожиданно со двора донеслись крики и ржание коней.

Не успел я подняться, как двери распахнулись и в комнату вбежал знакомый белый офицер с шашкой наголо.

– Руки! – заорал он мне. Лицо его исказилось от ярости. – Руки! Я кому сказал!

Ничего не соображая, я поднял руки. Офицер снял с моего плеча автомат и обыскал меня. В комнату зашли фельдфебель и еще несколько белогвардейцев с ружьями.

– Где карты военных действий? – спросил офицер.

– Не знаю... – пробормотал я.

Офицер вынул из кобуры револьвер.

– Сейчас ты все узнаешь! Лицом к стенке! К стенке! Где карты?

– Какие? – мой голос задрожал.

– Карты, на которых мы пили чай две недели назад! – не унимался офицер.

– Не знаю... – ответил я.

– Твое последнее желание? – холодно спросил он.

Вопрос прозвучал удивительно обыденно, словно спросили «какой час?». Я подумал о своих желаниях.

– Если можно, хотелось бы разыграть последнюю отложенную партию в шахматы...

– Кем отложенную? – спросил офицер.

– Карповым и Каспаровым.

– А кто из них кто? – поинтересовался офицер.

– Оба наши, русские... то есть советские.

– Славно! – усмехнулся офицер. – Гражданская шахматная война! Или как ты там назвал – партия?! Ну, давай разыграем, только я – белыми.

– Согласен! – выпалил я. – Значит, вы за Каспарова, я за Карпова.

Фельдфебель с белогвардейцами переворачивали заставу вверх дном, а мы с офицером разыгрывали отложенную партию. Офицер очень уважал Алехина, но больше никого из шахматистов назвать не мог. Играл он послабее меня. В тот момент, когда я объявил ему, то есть Каспарову, мат, в комнату вбежал радостный фельдфебель со свернутыми картами в руках.

– Вам мат! – объявил я.

– К стенке! – коротко скомандовал офицер.

Я подчинился. Офицер разложил карты на столе, выбрал нужную, потом подбежал к календарю.

– Ну что, вашеродие? – взволнованно спросил фельдфебель.

– Через четыре дня погибнем, – покачал головой офицер.

Фельдфебель сглотнул слюну, покосился в мою сторону.

– Этого прикончим? – спросил.

Офицер окинул меня взглядом.

Неожиданно послышалось пипиканье радиоточки, сообщающей точное время. Белогвардейцы вслушались. Пришло сообщение из Москвы о том, что отложенная партия между Карповым и Каспаровым была доиграна. Победил Каспаров. Офицер чертыхнулся.

– Опять неудача! – прошипел он сквозь зубы. – Выигравшие проигрывают!

– Живи! – крикнул он мне. – Живи и помни, как ты выиграл проигранную партию! Эх!!!

По коням!

Белогвардейцы выбежали во двор.

Офицер медлил. Казалось, он не хотел уходить.

– А что там, за границей? – наконец решился спросить я.

Он удивленно оглянулся. Потом ответил: «Война!»

– Какая?

– Гражданская...

– А как же граница?

– Граница?! – ухмыльнулся офицер. – Граница не государственная, а временная. Ну, все, живи себе! И наведи здесь порядок! Прощай!

Он вышел во двор. Кони заржали, и вскоре снова стало тихо.

Я помыл полы, сложил все по местам. Карты свернул и отнес в каптерку, из которой их вытащил фельдфебель, а потом сел на свою койку и никак не мог решить: докладывать капитану о нападении на заставу или не докладывать.

2

Вскоре после нападения на заставу седому капитану пришел секретный пакет. Капитан заперся у себя и долго не выходил.

Мы впятером сидели в большой комнате-казарме и с грустью глядели на отрывной календарь, ожидая, когда же наконец оторвется очередной листок с очередной датой «11 декабря 1985 года среда».

Дверь из кабинета распахнулась – вышел капитан, мрачный и без фуражки. В беспорядке торчали седые волосы.

– Хреновые вести, – почти шепотом произнес он. – Одному из вас придется заступать на дежурство в спецточке.

Все, кроме меня, побледнели, сникли и устали в пол.

– А ты что, не боишься? – капитан посмотрел на меня.

- Никак нет! – отчеканил я, не понимая, как можно бояться того, что тебе неизвестно.
- Что ж, – вздохнул седой, – тогда пойдешь ты.

Солдаты покосились в мою сторону, посмотрели, как на обреченного больного, с сочувствием и жалостью.

- Иди пока, отдыхай! – приказал капитан.

На следующий день командир, приказав следовать за ним, повел меня в лес. В вещмешке я тащил трехдневный паек на двоих, спички и прочую мелочь.

Капитан ориентировался по черточкам, нанесенным смолой на самые крупные валуны. Когда стемнело – оказалось, что эти черточки светятся.

Видно, в смолу был подмешан фосфор.

Мы шли почти три дня. Я несколько раз спотыкался и сильно расшиб правую ногу.

- Ничего, – подбадривал меня седой капитан. – Терпи, дальше хуже будет!

После этих слов идти становилось немного легче.

Наконец мы выбрались на квадратную поляну, размеченную валунами по краям. В центре была вырыта яма глубиной метра три, а из нее торчал длинный, слегка наклоненный ствол.

- Вот она, спецточка! – скривив губы, нехорошо произнес командир.

- Пушка? – я кивнул в сторону ствола.

- Особая дальнобойная на стационарном прицеле.

- А почему на стационарном?

– Цель давно уже известна, поэтому и прицел закреплен намертво. Раз в неделю будешь стрелять.

- Куда? – поинтересовался я.

- Это не твое дело. Ты должен знать, из чего стрелять. В данном случае – из этой пушки.

Вопросы есть?

- Так точно!

- Спрашивай!

- Эта цель на нашей стороне границы или на той?

- На той. Все. Тебе и этого знать не положено!

За одним из разметочных валунов виднелся вход в землянку; маленький сырой подвальчик. В углу стояла разборная деревянная кровать с выжженной на спинке датой «1914» и табуретка. Рядом выемка – холодильник для хранения продуктов.

– Там, под песком, месячный запас консервов. По банке на день. Под пушкой – бак с оружейным маслом. Каждое утро будешь ее смазывать. Раз в неделю к тебе будет приходиться с другой заставы один сержант. Звать его то ли Войденко, то ли Бойтенко. Дерьмовый человек, но ты терпи! Не вытерпишь – можешь проучить, только смотри, чтоб без синяков! Понятно?

- Так точно!

- Ну, живи, солдат! Счастливо! – Капитан развернулся и не спеша направился в лес.

Сгущались сумерки. Я разложил кровать и улегся на нее, не снимая сапоги. Прикрыл глаза. Вспомнился белый офицер, так хотевший узнать день своей гибели. По моим подсчетам, его должны были убить позавчера. Грустно, когда русский убивает русского.

Спать не хотелось. Я открыл глаза и рот. Дышать носом уже не мог, сырость вызвала обострение гайморита. Вышел из землянки, сморкнулся на землю и утер нос рукавом гимнастерки. Решил осмотреть пушку.

Пушка меня не удивила. Не так много я их в своей жизни видел, чтобы уметь различать простую от особой дальнобойной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.